

Омурбек Караев

Завет
старого лесника

Омурбек Караев

Завет старого лесника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73859442
Завет старого лесника. / Караев О.: Москва; Перо; 2026
ISBN 978-5-00270-740-9

Аннотация

Повесть «Завет старого лесника» – это произведение не только о защите природы, но и о борьбе за душу человека. А также о гражданской зрелости, о боли и прозрении, о вечных духовных ориентирах, которые не подвластны ни моде, ни политической конъюнктуре.

Повесть «Пять законов судьбы» – произведение, в котором будничная реальность послевоенного села обретает драматическую и философскую глубину. В рассказах автора ярко проявляется одна из характерных черт кыргызской литературы – умение из простой, будничной детали вырастить философские образы.

Пусть эта книга кыргызского писателя Омурбека Караева вдохновят читателей на размышления, наполнят теплом и подарят мгновения искренней радости.

Содержание

Завет старого лесника	5
1	5
2	9
3	19
4	24
5	28
6	32
7	40
8	45
9	53
10	57
11	61
12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Омурбек Караев

Завет старого лесника

(повести и рассказы)

© Караев О., 2026

Переводчики

Жылдыз Акаева, Цунваз Арбуду, Сатыбалды Ешублатов

Завет старого лесника

Повесть

1

Старый лесник слег. Возраст его подбирался к восьмидесяти. Всю свою жизнь он проработал в лесном хозяйстве Кегети и до сих пор жил в небольшом поселке, который назывался просто Лесничество Кегети. Оно не имело ни статуса села, ни какого-либо официального названия. В поселке было около двадцати дворов.

Когда-то давно он начал с работы конюхом. Ухаживал за лошадьми лесников, подковывал их, следил, чтобы животные были в порядке. Жизнь шла спокойно, без лишней суеты. Со временем люди заметили его аккуратность в работе, честность, доброе отношение к людям. Так он стал егерем. Этому делу Кимбилет отдал сорок лет, пока не пришла пора выходить на пенсию. Тогда его место занял сын, Жанарбек. Конечно, такую работу просто так никому по наследству не передавали, но односельчане постарались, поддержали, и начальство дало свое согласие.

Старый лесник оседлал своего любимого Карагера, переданного теперь сыну, собрал остатки сил и вскочил в седло.

В его действиях было что-то непонятное, но Жанарбек не стал спорить, не хотел огорчать отца. Он лишь молча подчинился и сел позади, держа поводья. Двое на одном коне, они двинулись в сторону ущелья, по тропе, где столько раз патрулировали заповедный лес.

– Сынок... – старик заговорил с трудом, его голос был слаб, но он старался говорить внятно.

– Может быть, сегодня я в последний раз скачу на своем Карагере. Может, это и последний раз, когда я вижу Кегетинское ущелье. Эти заснеженные вершины, темные кроны елей, чистый, пьянящий воздух гор, быстрый поток Кегети – всё это, кажется, слилось с моей душой. Но я не боюсь оставить их. Мне спокойно, потому что всё это я оставляю тебе, сын мой.

– Не говори так, отец! – поспешно перебил его Жанарбек. Ком встал у него в горле. – Мы с тобой еще не раз приедем сюда верхом, и Карагер будет мчать нас по этим тропам!

– Спасибо, сынок, – старый лесник ласково похлопал его по ноге, чувствуя рядом тепло родного человека. На миг его охватило странное умиротворение. Но всё же он продолжил:

– У всего живого одна судьба. Как человек приходит в этот мир, так он и уходит, когда его время иссякает. Так было всегда, так будет и впредь. И меня это не минует, сынок. Не знаю, что ждет меня завтра, но пока у меня еще есть голос, я хочу оставить тебе один завет.

– Говори, отец! Я слушаю! – встрепенулся Жанарбек. Бес-

покойные мысли ворохом закружились в голове.

Отец глубоко вдохнул прохладный горный воздух, задержал его в груди, затем тяжело выдохнул и продолжил:

– Не хочу, когда меня не станет, чтобы ты резал на поминки табун лошадей. Не хочу, чтобы ты воздвигал мне огромный памятник. Не трать силы на пустые хлопоты, не думай, что, назвав улицу моим именем, ты сохранишь мою память, – он ненадолго замолчал, словно собираясь с мыслями. – Я всю жизнь жил с одной мечтой: чтобы в этом бесценном Кегетинском ущелье никогда не случилось беды. Чтобы сюда не пришли варвары, чтобы никто не разрушил эту красоту. Чтобы не нашлись черствые души, алчущие выгоды, которые ради золотой руды изуродуют эти горы, выжгут леса, искалечат природу... Я жил с этой надеждой, с этой верой. И если когда-нибудь меня не станет, пусть моя мечта живет дальше, пусть этот завет не умрет. Поэтому, сынок, я завещаю тебе Кегетинское ущелье. Оно должно остаться таким, каким ты видишь его сейчас. Если вдруг найдутся те, кто попытается разрушить эту красоту, ты должен встать против них стойко, не дрогнув! Да, ты всего лишь один человек, твой голос может показаться слабым, но ты не смей отступать! Скалой стой за природу, за леса, за эти горные вершины. Если тебя не услышат, то поднимай народ, иди к властям, объясняй, что горы нельзя уродовать! Люди тоже не захотят терять эту красоту, они поддержат тебя. Каждое творение природы неповторимо. Поля и равнины пусть будут

отданы под пашни, скалистые утесы пусть останутся домом для орлов, а над озерами пусть всегда парят лебеди. Пусть горы вечно зеленеют под своим хвойным покрывалом, пусть леса шумят, одетые в вечный наряд из листьев...

– Хорошо, отец, я исполню твой завет, – твердо пообещал Жанарбек.

– Вот! – старый лесник улыбнулся, одобрительно кивнув. – Я же говорил, ты сын своего отца! Мне нравится твоя решительность!

– Этот завет станет для меня главным смыслом жизни, – твёрдо произнес Жанарбек.

– Я сказал всё, что хотел. Теперь моя душа спокойна, – отец взглянул на него долгим, теплым взглядом, словно окутанным особым светом. Затем развернул Карагера и направился обратно.

Спустя три дня старый лесник покинул этот мир.

2

Работа в лесном хозяйстве непростая. Те, кто не знает ее сути, часто болтают, что в голову взбредет. Одни говорят: «Ну, они же не стоят целыми днями у станка на заводе, не надрываются в поле под палящим солнцем, не разгребают мусор на свалках, не таскают тяжелые мешки». Другие подхватывают: «Да что там сложного? Лес, чистый воздух, родниковая вода, да еще и государство им неплохие деньги платит. Всего-то пару раз в неделю скакать по закрепленному участку! И то не пешком, а на коне, которого им тоже выдает государство! Разве это работа?»

А вот приезжие охотники из больших городов – это совсем другая история. Они заявляются в лесничество, сверкая дорогими внедорожниками, с личными водителями, с ружьями наперевес. Говорят, что они заядлые охотники. Но стоит взглянуть на их отвисшие животы, и сразу становится понятно: таким и в горы-то не подняться. Какой уж там охотничий азарт? Они и шагу не сделают, только бахвалятся друг перед другом.

А на деле все давно понятно. Эти «охотники» тут не ради добычи, а ради удовольствия и красивых историй для своих компаний. Они нанимают местных парней, суют им пару купюр, а сами в это время остаются в лагере – пьют, закусывают, устраивают себе отдых на природе. А местные, кто согла-

шается, бегают по скалам за добычей. Если повезет, притащат сибирского козерога или марала, а если нет, то вернуться хотя бы с парой фазанов.

Жанарбек никогда не участвовал в таких мероприятиях. Сколько бы его ни упрашивали, какими бы деньгами ни соблазняли – он ни разу не поддался. Это был завет его отца. Старый лесник презирал браконьеров, называл их убийцами, говорил, что на том свете их ждет кара. Он верил, что, уничтожая диких зверей ради прихоти, человек сам подводит свою судьбу под беду. Жанарбек хорошо помнил эти слова.

Весна пришла в Кегетинское ущелье. Холмы, долгое время укрытые белоснежным покрывалом, словно пробудились ото сна, медленно преображаясь, облачаясь в молодую зелень. Первыми проклюнулись хрупкие подснежники. Они не покрыли склоны сплошным ковром, а выбились островками, как будто бы невидимая рука заботливо рассыпала их по земле.

Кедры и ели стояли такими же величавыми, как и зимой. Их хвоя не теряла насыщенной зелени, а теперь, под лучами весеннего солнца, деревья казались еще выше, еще стройнее, словно устремились в небесную высь. Под белыми облаками величаво парил орел, раскинув крылья в воздушных потоках.

С земли ушла ледяная корка, и теперь лошади, долго питавшиеся сухим сеном, наконец могли щипать первые про-

бывшиеся стебли трав. Они бродили по склонам, жадно выискивая молодую поросль, будто заново открывали ее вкус.

Время для овечьих отар и стад еще не пришло. Кочевники погонят скот в ущелье позже, когда солнце прогреет землю как следует, и степные травы взметнутся вверх сочным зеленым ковром...

В этом году первыми в Кегетинское ущелье прибыли не пастухи, а длинный грузовик с экскаватором и два огромных самосвала. Водители молча, без всяких разъяснений, направили технику в сторону Шаркыратмы.

Жители села растерянно смотрели им вслед. Те, кто уже слышал разговоры о строительстве в ущелье крупного золоторудного комбината, теперь окончательно уверились – это правда. Вот уже и техника проехала вверх по дороге.

А некоторые радовались: «Работа же будет! Говорят, поварам хорошо платить собираются. Еще и посудомойки понадобятся. Охранников тоже наймут» Никто не думал о том, что ущелье будет разрушено. Никто не говорил о том, что природе нанесут ущерб. Никого это не волновало. Кроме Жанарбека. Внутри у него все кипело. «Вот оно. Время исполнять отцовский завет. Пришло время вступить в большую борьбу».

Что может быть дороже отцовского наказа? Ничего. Перед глазами всплыл образ старого лесника. В его взгляде был призыв к подвигу, к стойкости. И вдруг Жанарбек почти явно услышал его голос – сильный, твердый, полный ре-

шимости: «Настал Судный день. Я знал, что он неизбежен. Будь тверд, сын мой. Не дрогни перед врагами природы. Они рабы наживы. Им не важна красота этих гор, чистота рек, величие лесов. Они не видят здесь чудо, они видят здесь только деньги. Они пойдут до конца. Но правда на твоей стороне. Так иди и сражайся до последнего. Даже если силы покинут тебя – не отступай. Даже если упадешь – поднимайся снова. Даже если проиграешь – не сдавайся, продолжай борьбу. Пусть тебя поддержат духи предков. Пусть земля-мать дарует тебе силу!».

Жанарбек резко вскочил на оседланного коня и во весь опор помчался наперерез чужакам. Дорога в гору не позволяла тяжелой технике двигаться быстро. Машины ушли не так уж далеко, и вскоре он их догнал. Обогнав колонну, он резко развернул коня поперек дороги, перегородив путь. Затем, подняв руки, закричал:

– Стойте! Разворачивайтесь обратно! Въезд сюда запрещен!

Во главе колонны двигался черный внедорожник. Машины замерли. Из внедорожника вышли двое – плечистые, нахмуренные. Третий, тот, что сидел на заднем сиденье, даже не пошевелился – он был геологом. Его задача состояла в том, чтобы указать, где копать, да взять образцы почвы для лабораторных анализов. Вмешиваться в шум и разборки с местными ему было ни к чему.

Один из вышедших рявкнул с раздражением, словно

зверь:

– Эй, ты кто такой?! Проваливай отсюда, пока жив!

Но Жанарбек был не робкого десятка. Он достойно ответил:

– Я егерь Кегетинского лесничества.

– Ну и будь себе егерем! Нам плевать! Убирайся с дороги! – огрызнулся тот и выругался.

– Я исполняю свой долг. Повторяю: въезд тяжелой техники в ущелье запрещен!

– Да кто ты такой, чтоб запрещать?! – взревел второй, шагнул вперед.

– Я не уберу заграждение. Разворачивайте машины и возвращайтесь за шлагбаум!

– Не понимаешь по-хорошему? Будешь сильно жалеть!

– Я вас не боюсь. Если думаете, что можете меня запугать, зря стараетесь.

– Последний раз предупреждаем – убирайся с дороги!

– И не подумаю!

Двое мужчин поспешно запрыгнули обратно во внедорожник. Видимо, они решили просто задавить упрямого егеря вместе с его конем и проехать дальше. Машина едва тронулась с места, как через лобовое стекло они увидели направленный на них ствол ружья.

Теперь уже настала очередь Жанарбека запугивать. Он громко крикнул:

– Только попробуйте двинуться вперед! Пристрелю, как

бешеных собак! У меня есть на это полное право!

Жизнь, как оказалось, была слишком дорога даже для этих самоуверенных людей. Еще секунду назад они играли в хозяев, а теперь притихли. Машина резко затормозила. Оба вышли, на этот раз медленно, без прежней спеси.

Но Жанарбек был непреклонен:

– Не подходите! Ещё шаг, и я вас обоих положу!

– Убери ружье, давай спокойно поговорим, – теперь их голос уже не был таким грозным.

– Мне не о чем с вами говорить. Разворачивайте технику и уезжайте обратно, – Жанарбек не отступил ни на шаг.

В этот момент к месту разборки прискакали еще трое егерей. Один из них тут же спросил:

– Это что за техника?

– Откуда мне знать? Без разрешения въехали на мой участок. Я требую, чтобы они убирались, – ответил Жанарбек.

– И правильно делаешь, – поддержал его второй егерь.

– Документы у них хоть есть? – насторожился третий.

– Даже не спрашивал. Да и какая разница? В заповедник технике заезжать нельзя! – ответил Жанарбек.

– Конечно, нельзя! – подтвердил напарник.

Приезжие продолжали делать вид, что ситуация под их контролем.

– Мы не самовольничаем, – спокойно сказал один из них. – Все согласовано с вашим начальством. Нам дали разрешение.

– Документы есть? – подозрительно прищурился один из егерей.

Приезжие заметно занервничали, понимая, что егеря правы. Но за долгие годы они привыкли выполнять чужие приказы и прикрываться «высокими указаниями», совсем отвыкнув от того, что кто-то посмеет задать им неудобные вопросы. Видимо, и сейчас они надеялись, что смогут решить дело запугиванием и нахрапом.

– Документы на въезд покажите, тогда и поговорим! – требовательно повторил еще один егерь.

Как бы ты ни чувствовал себя хозяином положения, в такой ситуации приходится отвечать на поставленные вопросы.

– У нас есть лицензия на разведку почвы, – наконец ответил приезжий с тёмным широким лицом.

– Нам ваши красивые слова не интересны, – отрезал егерь. – Мы должны видеть официальное разрешение на въезд в ущелье! Нам не нужны разговоры о том, что «договорились с начальством». Вы должны предъявить документ, подтверждающий право находиться здесь!

Он говорил твердо, уверенно, не оставляя ни одного шанса на отговорки. Жанарбек чуть отступил в сторону, наблюдая за происходящим. В душе у него поднималась благодарность. Если бы эти ребята не приехали, ему пришлось бы одному противостоять этим людям, один на один говорить им «разворачивайтесь назад». А в таком деле одному труд-

но устоять. Он слишком хорошо знал, как часто случается, что против одиночки применяют силу, загоняют в угол, ломают его. Но в этот раз он не был один. И это придавало ему уверенность. И главное – внутри него жила сила отцовского завета. Именно она не дала ему отступить. Именно она заставила его выйти навстречу опасности. Он не собирался сдаваться.

Видимо, поняв, что ситуация окончательно выходит из-под контроля, приезжие лихорадочно схватились за телефоны, пытаясь дозвониться кому-то из своих. Но все было напрасно. Они не знали, что со всех сторон ущелье окружено горами и связь антенны здесь не ловят.

Теперь их самоуверенность заметно пошатнулась. Они поняли, что план рушится. Сегодня они должны были начать разведку грунта, зафиксировать работу экскаваторов и грузовиков, чтобы отчитаться перед инвесторами. Отчетность была важна: именно на основе этих фото и видеозаписей зарубежные компании, финансирующие проект, должны были убедиться, что дело сдвинулось с мертвой точки. И что теперь? Егеря оказались слишком упрямыми. Ни угрозы, ни запугивания не сработали. План захода на территорию оказался ошибочным. Кажется, местный начальник просто не удосужился предупредить подчиненных или, что хуже, не смог договориться наверху. Что делать?

Один из них задумался: может, предложить деньги? Если бы егерь был один, можно было бы легко замять дело. Но

теперь их четверо. И это уже сложнее. Хотя деньги есть. И задание важное. Если его не выполнить, будет не просто выговор – их выставят вон. Они переглянулись, зашептались между собой, явно обдумывая, как выкрутиться из ситуации.

Тёмный, тот, что выглядел главным среди приезжих, спросил:

– Кто здесь за главного?

– Здесь главный – он. Это его территория, его заповедник, – уверенно ответил один из егерей, тот самый, что не привык молчать. При этом он мотнул головой в сторону Жанарбека.

Чужак повернулся к Жанарбеку, внимательно его разглядывая, затем спросил:

– Может, отойдем в сторону и поговорим с глазу на глаз?

– Мне не о чем с вами говорить, – твердо ответил Жанарбек.

– А у нас есть, что сказать.

– Тогда говорите здесь. Пусть все слышат.

Приезжий раздраженно сплюнул себе под ноги, зло пробормотав:

– С этими тупыми упрямцами разговаривать бесполезно. Разворачивайте технику! Мы еще вернемся, но разговор будет другим. За это время приезжие успели снять видеозаписи о присутствии техники среди гор. Вероятно, для того, чтобы отчитаться потом инвесторам о благополучной работе. Он зло сверкнул глазами и махнул рукой. Водители по-

слушно завели машины, и вся колонна, развернувшись, двинулась назад, тем же путем, которым прибыла.

Егеря молча наблюдали, как тяжелая техника скрывается за поворотом. Жанарбек стоял прямо, не шелохнувшись. Он знал: это было только начало.

3

На следующее утро едва рассвело, в Кегетинское лесничество прибыл начальник. Он жил в Токмоке и приехал на хорошо знакомом дорогом черном внедорожнике. В машине были и те самые двое, которых Жанарбек видел вчера.

В лесничестве не было отдельной конторы, поэтому рабочее место оборудовали прямо в доме Жанарбека – в восточной стороне его жилища когда-то прорубили отдельную дверь, и теперь эта комната использовалась для работы. Ранний визит не сулил ничего хорошего. Всё было предельно ясно – приехали обсуждать вчерашний конфликт, пытаться что-то решить.

Жанарбек уже успел выгнать скот в горы и возвращался домой, когда у двора увидел машину начальника. Он холодно поздоровался с прибывшими и шагнул внутрь.

Начальник занял свое обычное место – старый, потертый дощатый стол. Напротив, на еще более ветхом диване, развалились вчерашние приезжие. Жанарбек стоял напротив начальника, скрестив руки на груди. Он знал: сейчас начнется разговор, в котором от него будут чего-то требовать. Но уступать он не собирался.

– Ну, и что будем делать с ними? – начальник посмотрел на Жанарбека, изображая доброжелательность, но голос его выдавал.

– А разве решение не за вами? – мгновенно парировал егерь.

Начальник вздохнул, делая вид, что объясняет нечто очевидное:

– Пришло распоряжение сверху. Нужно провести геолого-разведку на Ат-Жайлоо. Говорят, там может быть золото. Если месторождение подтвердится, скоро начнется строительство рудника. Это государственный проект. Если откажемся исполнять приказ, нас всех просто выгонят с работы.

– Вчера наши егеря попросили документы, а они даже не потрудились их показать, – твердо ответил Жанарбек. – Думаю, они просто пытаются хитростью занять эту землю.

Темноволосый приезжий резко поднялся с места.

– Это совсем не так! – сказал он с напускной уверенностью. – Постановление правительства будет подписано в течение двух-трех дней. Мы гарантируем это.

– Даже если постановление выйдет, я, как человек, живущий здесь, против того, чтобы горы разрушали в поисках золота! – Жанарбек стоял на своем.

Начальник нахмурился, губы его сжались в тонкую линию. Он понял, что разговор идет не в ту сторону. Приезжий потерял терпение.

– Я не понимаю, кто здесь решает? – он зло посмотрел на начальника, а затем снова на Жанарбека. – Лесничество управляется каким-то егерем-оборванцем? Это что, его личные земли? Он отказывается выполнять государственное

распоряжение, не пропускает технику. Да кто он вообще такой?

– Этот самозванец слишком много на себя берет! – встрял второй приезжий, смуглый и коренастый. – Похоже, пора поставить его на место.

Начальник, на которого они возлагали надежды, выглядел растерянным. У него не хватало решимости отдать приказ и уговорить непослушного егеря тоже не получалось. Поэтому он мялся, будто что-то сдерживало его. Может, он был чем-то обязан егерю? Может, Жанарбек пас его скот? Может, снабжал его мясом? Или была другая причина? Но факт оставался фактом: начальник выглядел так, будто сам не знал, что делать дальше.

Тем временем другие егеря, узнав, что начальник приехал, поспешили к дому. Поздоровавшись, они успели лишь шагнуть внутрь, как начальник резко обрубил:

– Вы тут не нужны. Займитесь своими делами.

Егеря переглянулись. Хмурое настроение не сулило ничего хорошего, и поэтому, не споря, они молча ушли.

Теперь начальник перешел к главному:

– Постановление правительства выйдет через два дня. Пусть они начинают работу, не мешай им.

Жанарбек вскочил как ужаленный:

– Вы же сами лесник! Вам поручено охранять природу! Как вы можете поддерживать такую дикость?

Начальник раздраженно поморщился:

– Жанарбек, не умничай. Это распоряжение сверху. Нам велено выполнять его.

– Я не буду!

– Да что это за бес такой, почему его слово – закон?! – вспылил один из приезжих.

Но начальник оставался спокойным.

– Так что, Жанарбек, мне теперь писать заявление на увольнение? – с усмешкой спросил он.

– Это ваше решение, – твердо ответил Жанарбек.

Он понимал: начальник оказался в ловушке. Он не был ни за природу, ни за компанию приезжих. Он просто хотел ускользнуть, остаться в стороне. Но теперь выбора не было.

– Ладно, можешь идти, ты свободен, – холодно бросил начальник.

Жанарбек развернулся и вышел. В комнате остались трое. Двое приезжих, рвущихся начать работу, и начальник, который теперь выглядел не столь уверенно.

– Приказ отдан, мы его слышали своими ушами, – заговорил темноволосый. – Нам нет смысла задерживаться из-за какого-то упрямого егеря. Если надо, вызовем людей из службы безопасности, скрутят его, дадут пониже спины, мигом станет сговорчивым. Время не ждет!

Начальник отрицательно покачал головой:

– Подождем официального постановления. Не нужно лишних проблем.

В голосе его слышалась не только осторожность, но и тень

сомнения.

4

После того как он дал отпор тем, кто хотел разрушить горы, Жанарбек ходил в приподнятом настроении. Но радость была недолгой – неожиданно пропала одна из его лошадей, и теперь он не находил себе места.

Двое суток Жанарбек не слезал с седла, объездил все возможные места, заглянул даже туда, где еще не сошел снег – на Ат-Жайлоо. Но следов не было. Другие егери тоже помогали – кто действительно искренне, кто просто из вежливости. Некоторые даже шутили:

– Да кому нужна твоя лошадь? Думаешь, кто-то с другого конца света пришел ее украсть? Может, это те самые вчерашние приезжие? Разозлились и назло тебе в машину свою запихнули!

Шутка, конечно, но Жанарбеку было не до смеха. На следующий день разыгралась буря. Но даже в такую погоду он не мог сидеть без дела. Решил еще раз проехать в сторону Арпа-Тектира, вдруг найдет хоть какой-то след.

Надежда – странная вещь, она не дает покоя. Пока не узнаешь правду, сердце не может обрести покой. Он долго петлял по горам, заглядывая во все ложбины, в каждый укромный уголок. К полудню небо затянулось тяжелыми тёмными тучами. Пошел снег. Пришлось поворачивать обратно.

Спускаясь вниз, он проезжал мимо одинокого дома. На крыше, под навесом, женщина сбрасывала на землю сено. Жанарбек придержал коня и прищурился. Может, стоит спросить? Вдруг она что-то видела?

– Эй, соседка! Лошадь потерял, не видела случайно? – окликнул её Жанарбек.

Женщина остановила работу и с усмешкой ответила:

– В такую стужу ты еще и по горам бродишь? Лошадь, похоже, тебе дороже собственного здоровья!

Он узнал её – кажется, Зейнеп звали. Они знали друг друга, но как-то не приходилось разговаривать по-настоящему.

– Когда теряешь лошадь, она и правда становится дороже всего, – вздохнул Жанарбек. – Два дня уже брожу по горам, ищу.

Зейнеп не стала долго слушать, быстро предложила:

– Видно, замерз и устал. Слезай, заходи, горячего чаю выпьешь.

Его не надо было долго уговаривать.

– А кто дома? – осторожно спросил он.

– Да не переживай. Я та самая женщина, которую муж бросил, неужели не знаешь? Дети в школе.

В её голосе не было ни тени смущения, лишь простая, добродушная откровенность. В доме было тепло. На железной печке булькал чайник, наполняя комнату уютным шумом. Круглый стол был накрыт скатертью, с кухни доносился запах лапши.

– Будешь есть вчерашнюю лапшу? – раздался голос соседки.

– Да разве может быть что-то лучше вчерашней лапшы? Наливай! – оживился Жанарбек.

Почему-то в этом доме Жанарбек чувствовал себя так, словно бывал здесь не раз. Он ел спокойно, без стеснения, с аппетитом. Весенний холод пробирал до костей, и только теперь он понял, насколько продрог. С каждым глотком горячей пищи по телу разливалось тепло, щеки начали розоветь, и он почувствовал, как блаженство окутывает его.

– Да кому сдалась твоя лошадь? – неожиданно сказала Зейнеп. – Если кто и уволок, то свой же. Среди своих искать надо. Вот мой совет.

– Может, и так, – задумчиво протянул он. – Но мне кажется, что она просто где-то бродит по этим горам. Надеюсь найти, вот и ищу.

– А ты не думал, что волки могли ее сцапать?

– Об этом я как-то не задумывался, – признался он.

Вдруг в комнате раздался звон часов. Жанарбек вздрогнул.

– Ой, это мне на работу пора, – заторопилась Зейнеп.

– Где ты работаешь?

– Вон в школе. Здесь ведь только до восьмого класса учат. Я там кружок рисования веду. Ну, ещё и печки топлю.

– Хорошее дело.

Он поднялся, поблагодарил за угощение.

– Здесь людей мало, друг к другу не ходят, – сказала она, немного смущаясь. – А иногда так хочется просто поговорить с кем-то. Сегодня хоть душу отвела. Ты дом запомнил, приходи еще.

Их взгляды встретились.

– Не подумай, что я какая-то легкомысленная, – вдруг сказала она. – Просто такие мы, одинокие женщины, иногда болтаем, что ни попадя. Меня Зейнеп зовут.

Она развернулась и ушла, а он еще долго смотрел ей вслед. Этот случайный взгляд, этот короткий миг, когда их глаза пересеклись, оставил в его душе что-то волнительное, необъяснимое.

На следующий день, ровно в это же время, он снова пришел. И она ждала.

– Я всю ночь не спала, знала, что ты вернешься, – прошептала она.

– А я понял, что хочу увидеть тебя снова, – ответил он.

Когда они вошли в дом, она тихо спросила, с игривой улыбкой:

– Запереть дверь?

Жанарбек молча кивнул. А потом, когда их руки случайно соприкоснулись, по телу пробежала дрожь, и, не осознавая, как это случилось, они, держась за руки, исчезли в тепле спальни, где не было ни слов, ни сомнений – только тихое дыхание и близость двух одиноких сердец.

По селу разлетелась дурная весть: Жанарбека уволили. Тойту, парень, который ухаживал за лошадьми в лесничестве, примчался в разгар дня. Запыхавшийся, с каплями пота на лбу, он даже не поздоровался, а сразу выпалил:

– Я пришел забрать лошадь!

Жанарбек, который как раз был дома, спокойно спросил:

– Кто тебя послал?

– Сам начальник звонил! Сказал, чтобы я срочно отвел Карагера в конюшню лесничества и привязал там.

Теперь сомнений не осталось – его действительно уволили. Спорить с Тойту не имело смысла. Парень был, мягко говоря, с особенностями: говорил путано, не всегда понятно, а если что-то приходилось ему не по душе, мог вспылить, даже замахнуться. Иногда, когда его охватывала злость, он и топор в руки брал. Тем временем Тойту уже развязывал повод Карагера.

– Подожди, – спокойно сказал Жанарбек. – Уздечка моя, я ее сниму.

Он снял свою уздечку и вместо нее подал Тойту сплетенный аркан.

– А седло? – спросил Тойту.

– Седло – отцовское. Вместе со всей сбруей. Оно остается у меня.

Так Карагер, без уздечки и с чужим поводком, послушно последовал за Тойту. Когда лошадь пересекла деревянные ворота и вышла в чистое поле, внутри у Жанарбека все, словно оборвалось. Он сжал голову руками. Вот оно.

Прощание с Карагером. Работу можно найти. Но теперь в его дворе больше не будет Карагера. Теперь на нем будут ездить другие. Кто попало.

Карагер не был просто лошадью. Он был частью семьи. Отец заботился о нем, как о собственном сыне. Всегда следил, чтобы у него было свежее сено, зерно, чистая подстилка. Никогда не давал ему пить ледяную воду зимой – всегда грел. Жанарбек перенял эти привычки по заботе о коне от отца. Особенно зимой, когда Карагеру обязательно накрывали спину теплой попоной. А теперь, что ж, он не останется без коня. Привяжет в стойло другого. Но это будет не Карагер.

Сам Карагер не понимал, почему его привели в другое место, почему хозяин не подошел, не заговорил с ним, как обычно. Теперь он был просто одной из лошадей в общем загоне лесничества. Мягкой кожаной уздечки больше не было. Вместо нее – грубый поводок. Чистое стойло, к которому он привык, осталось в прошлом. И пока он пытался привыкнуть к новой обстановке, в уютном дворе дома старого лесника раздался резкий, как зубья пилы, голос:

– Ну вот, добился своего! Лезешь, куда не просят! Хотел быть лучше всех – остался у разбитого корыта!

Это была жена Жанарбека.

– Так вышло, – ответил он спокойно, без эмоций.

Жена передразнила его, словно пародист на сцене:

– «Так вышло!» А ты не думал, что так выйдет?! Если бы вовремя закрыл рот и не строил из себя героя, сидел бы сейчас на месте, с работой, с деньгами, а не выброшенный на улицу!

– Я не мог по-другому, – глухо ответил он.

– И что теперь? Что ты будешь делать? У нас трое детей! Им нужно есть, одеваться! Ты хоть думал об этом, прежде чем влезать в свои разборки?

– Не перегибай.

Но жена уже разгорячилась:

– Перегибать? Может, мне теперь плясать от радости?! Или пир устроить в честь того, что ты нас всех оставил без куска хлеба?

Эти слова больно ударили его. Любой другой мужчина, услышав такое, возможно, отмахнулся бы, огрызнулся, а то и руки пустил в ход. Но Жанарбек молчал. Он слишком хорошо знал свою жену и давно привык к ее колким словам.

Он только устало сказал:

– Сколько людей теряли работу, столько находили новую. Мы тоже переживем. Что Бог даст, то и будет.

Жена только всплеснула руками.

– Непрошибаемый! Твердолобый! До тебя не достучаться!

Она резко повернулась и скрылась в доме, хлопнув дверью. А он остался стоять. Смотреть в пустоту. И думать не о себе. А о Карагере. О том, как теперь другие будут гонять его без заботы. О том, что вместе с этой лошастью он потерял не просто выданное ему государством имущество. Он потерял что-то большее.

Мысли Жанарбека метались в разные стороны. Эх, в такой момент рядом должна быть жена, которая поддержит, подбодрит. А вместо этого – только упреки и насмешки. Неужели ей действительно только деньги важны? Или, правда, боится, что мы останемся без куска хлеба? Может, в чем-то она права? Кто знает.

Он зашел в дом и сказал:

– Продам двух лошадей на ближайшем базаре, куплю дойную корову. Будем молоко продавать, как и все здесь.

Жена усмехнулась с насмешкой:

– Ну да, вот это ты придумал! Великий план!

– Надо попробовать.

Не дожидаясь продолжения разговора, он снова вышел. Во дворе пустовало место, где обычно стоял Карагер. Как же непривычно. Его словно пронзило – так не пойдет. Это место нельзя оставлять пустым. Решение пришло сразу. Нужно привязать туда другого коня. И он тут же направился в сторону предгорья, где паслись его лошади.

6

В тот же вечер, когда уже совсем стемнело, Жанарбек пришел к Зейнеп. Пешком. В такое время он обычно не заходил, поэтому Зейнеп встревожилась:

– Жанар, что случилось?

– Да ничего особенного. Меня с работы выгнали.

– Ох ты ж, Господи! Вот это новость! – воскликнула она и вдруг расхохоталась.

– Ну да. Вот и всё, – он развёл руками в стороны.

– Так это же ерунда! – Зейнеп улыбнулась еще шире и, не раздумывая,пустила его в дом.

Дети были дома. Увидев гостя, они тут же ушли в другую комнату.

– Чего переживать? – продолжила она. – Работа приходит и уходит. Главное, ты жив-здоров. Может, еще и лучшая должность тебе предназначена, просто время не пришло. Если тебя сняли с егеря, это же не конец света. У тебя семья, дети. Вот, если ты будешь сидеть, понуришь голову, словно всё пропало, тогда плохо будет.

– Ты права, ты права.

Жанарбек вдруг ощутил, насколько эти слова греют душу. От жены он не услышал ни капли такой поддержки, только едкие упреки и колкости. А здесь... Здесь его не осуждали, не стыдили, а просто приняли, просто сказали, что всё будет

хорошо. Он не подал виду, но внутри всё будто оттаяло. Нет, жаловаться он не станет. Мужчина с сильным духом не должен ныть, что его жена не поддерживает. Но что-то в нём всё же перевернулось.

Зейнеп налила ему чай, добавила сверху свежие сливки. Всё в её движениях было наполнено теплотой и вниманием. Она снова вернулась к теме работы:

– Сейчас найти работу не так уж сложно. Посмотри, сколько людей из наших мест ездят в Бишкек. Там всегда можно что-то найти. Маршрутки ходят каждый час, так что дорога – не проблема. Может, и для тебя что-то найдется. Всевышний не бросит тебя в беде. Жанарбек понимал, что она просто хочет его поддержать, сказать что-то ободряющее. И это было приятно. В трудный момент услышать доброе слово – разве это не то, чего порой так не хватает? Он немного помолчал, а потом, собравшись с мыслями, спросил:

– Зейнеп, могу я открыть тебе один секрет? Послушаешь?

Она невольно насторожилась. Неужели он скажет что-то такое, что заставит её задуматься? Может, он хочет уйти из семьи? Перебраться к ней? Но прежде, чем её тревога успела укрепиться, Жанарбек сам перебил её мысли:

– Сначала я расскажу тебе одну историю, которую услышал от отца.

– Я слушаю.

– Отец говорил, что это не просто сказка, а история, которая случилась не так уж давно.

Он устроился поудобнее и начал рассказывать:

– Один человек, перед тем как покинуть этот мир, оставил своему сыну завет: охранять родной источник, что бил из-под холма у дома. Это был Ыйык Булак – Священный источник. Он строго-настрого наказал: «Не позволяй, чтобы его затапывал скот, не позволяй превращать его в место гулянок. Если кто-то придёт и захочет пить здесь вино, объясни им, что этот источник священный. Ты должен его оберегать.» Годы шли. Сын выполнял отцовский завет, охраняя источник.

Жанарбек сделал паузу, отпил немного чая и продолжил:

– Но настало время, когда земли вокруг начали распахать, люди стали нуждаться в воде для полива. Тогда некоторые начали говорить: «Давай расширим источник, увеличим поток, направим воду на поля!»

Он взглянул на Зейнеп, будто проверяя, слушает ли она.

– И однажды, к роднику заявился целый отряд людей с лопатами и кирками, – продолжил он.

Юноша бросился к ним.

– Что вам здесь нужно? – спросил он.

– А тебе-то какое дело? – грубо ответили те.

– Это Ыйык Булак! Его нельзя трогать!

– С чего ты взял, что он священный?

– Так говорил мой отец.

– Отец твой что, пророк был?

– Да, он был человеком прозорливым. Он завещал мне

охранять этот источник, как зеницу ока.

Те, кто собирался раскапывать родник, задумались. Некоторые, поосторожнее, уже начали сомневаться: «А вдруг правда? Вдруг источник святой, и мы навлечем беду?» Другие же, посмелее, насмеялись:

– Чего вы испугались? Дайте-ка мне лопату!

Один самоуверенный человек, схватив мотыгу, размахнулся и со всей силы ударил по земле. Но лезвие наткнулось на камень, древко треснуло, а металлический наконечник отлетел далеко в сторону. Люди встревожились. Кто-то пробормотал:

– Может, юноша прав. Если источник святой, нельзя к нему прикасаться.

Но тот же самый человек, не желая признавать поражение, схватил другую мотыгу и размахнулся вновь. И в тот же миг случилось необъяснимое: вместо удара он рухнул на землю, словно его сшибла невидимая сила, и остался лежать без движения.

Тогда охваченные ужасом люди бросились назад, в страхе убегая от заколдованного места.

Зейнеп, выслушав рассказ, выдохнула из себя:

– Вот это история!

– А теперь послушай мой секрет, – тихо сказал Жанарбек.

– Я слушаю...

– Как и тот юноша, я дал клятву. Перед смертью мой отец оставил мне завет: не позволить проходимцам разрушить Ке-

гетинское ущелье.

Зейнеп задумалась.

– Это трудный, непростой завет.

– Трудный или нет, но он отцовский.

– А ты справишься? – серьезно спросила она.

– Справлюсь или нет, но я буду бороться, буду стоять до конца, пока в груди бьется сердце! – глаза Жанарбека вспыхнули решимостью. – Потому что для меня нет ничего выше отцовского завета.

Зейнеп вдруг поняла.

– Вот почему ты даже не думаешь искать другую работу и уезжать.

– Ты всё правильно поняла, моя дорогая, – тепло улыбнулся он. – Если я уеду, если оставлю это место, ущелье окажется в руках тех, кто хочет его разорить. И тогда... Тогда я предам отца. А предательство перед отцом – страшнее любого наказания.

В этот момент раздался стук в дверь. Зейнеп поспешила открыть. На пороге стоял Искендер. Житель их деревни. Человек без семьи, без дела, вечно слоняющийся по улицам. Сейчас он был пьян.

– Чего тебе? – голос Зейнеп сразу стал холодным.

– Дай сто сом, верну завтра, – промямлил он. – В карты проиграл. Надо выпить.

– Попроси у своего отца. У меня нет денег для таких дел.

Она даже не дала ему договорить и захлопнула дверь пе-

ред носом. Однако Искендер краем глаза заметил мужские ботинки у порога. Глаза его зло сверкнули. Он резко рванул вперед, напрямик вглубь дома, чтобы увидеть, кому они принадлежат. В следующую секунду он уже стоял в комнате, нагло разглядывая её гостя. Он даже не поздоровался. Жанарбек тоже не обернулся, никак не отреагировал, словно его там не было. Но для Искендера это было лишь дополнительным поводом для грязных интриг. Он самодовольно ухмыльнулся и, подняв палец, уставился на Зейнеп:

– Если ты сейчас же не дашь мне сто сомов, завтра я расскажу всей деревне, что застал тебя с любовником!

Он мерзко усмехнулся, ожидая испуга. Но вместо этого получил резкий ответ:

– Эй, следи за своим языком! – громко и твердо сказал Жанарбек.

Но Искендеру только того и надо было – ссора, конфликт, повод сделать ситуацию еще грязнее.

– Да ладно, чего ты кипятишься? – издевательски протянул он. – Весь аил знает, что у меня язык без костей. Можешь не переживать, меня всерьёз никто не воспринимает.

Зейнеп больше не собиралась терпеть. Она быстро подошла к нему, схватила за рукав и буквально вытолкала к двери.

– Проваливай отсюда, пьяный дурак! – бросила она. – И больше не смей приходить в мой дом в такое время! Если ещё раз сунешься – аксакалам пожалуюсь. Они быстро с то-

бой разберутся.

Искендер даже опешил на мгновение, но тут же снова зашипел:

– О, так вот оно что! Тогда и мне надо пойти к аксакалам! Сказать, что ты гулящая женщина и таскаешь к себе мужчин по ночам!

Он уже был за дверью, как вдруг снова повернулся, его глаза хитро прищурились:

– Ну что, как насчёт сделки? Сто сомов – и я молчу.

Зейнеп проигнорировала его, будто даже не слышала.

Чуть позже она вышла во двор, чтобы проводить Жанарбека. Туман стелился густыми волнами, скрывая дорогу. Жанарбек обнял её, крепко прижал к себе и, не сдержавшись, поцеловал.

И тут же из темноты прорезался мерзкий голос:

– Вот вы какие! Застукал я вас!

Они обернулись. Искендер не ушел. Он прятался за углом, следил за ними.

– Ну что ж, теперь у меня есть все доказательства! – его голос дрожал от злорадства. – Либо вы платите мне, либо завтра же обо всём узнают не только здесь, но и в соседнем аиле! Сто сомов и никаких проблем.

Он торжествующе посмотрел на них, ожидая ответа.

«До чего дошло – за сто сомов готов удавиться!» – подумал Жанарбек. Он уже было сунул руку в карман, собираясь вытащить деньги, лишь бы отделаться от этого мерзавца, но

тут же почувствовал, как Зейнеп резко остановила его.

– Не давай! Ни в коем случае не давай ему денег! – тихо, но твёрдо сказала она. – Один раз дашь, он привыкнет. Потом не отвяжется, будет ходить за тобой, даже домой являться начнет. Жанарбек замер. И понял: она права.

Искендер же, услышав отказ, сделал вид, что не сильно расстроился.

– Ну ладно, – протянул он с напускной обидой. – Запомню, как вы меня в трудный момент бросили. Потом не жалуйтесь!

Он развернулся и пошёл своей дорогой. Но ни Зейнеп, ни Жанарбек ещё не знали, что эта «обида» не пройдёт просто так.

Остаться без работы оказалось непросто. Жанарбек почувствовал это уже в первый день, когда не пошёл в кордон. В доме – горькие слова жены, на дворе – делать особенно нечего. Ходит по двору, будто чем-то занят: уберёт здесь, подправит там – а на деле просто убивает время. А душа всё равно тянется в горы, в ущелье.

Дом Зейнеп находился недалеко – на том самом пригорке, у выхода на Арпа-Тектир. Но каждый день туда без повода ходить опасно – люди быстро заметят, начнут косо поглядывать, сплетни распускают. Надо сдержанность проявлять. И пусть это будет не просто очередной поход, а встреча, к которым приводит не скука и тоска, а самое настоящее глубокое чувство.

Жанарбек вышел за ворота. Шёл, куда ноги несли. Добрался до большой дороги. Внизу, вдалеке, виднелся старый шлагбаум. Там стояла будка лесного хозяйства. Раньше, в своё время, на этом месте был пункт взимания платы с машин, направлявшихся в Кегетинское ущелье. Потом пост упразднили. Шлагбаум давно разобрали – железные части растащили, как водится, свои же. Хорошо ещё, что будку не разворотили: двери и окна пока на месте.

А внутри будки – своя, особая жизнь. С утра до вечера там собираются местные бездельники играть в карты. Иногда и

ночуют там. Провели электричество, побелили стены, починили столы. Приносят хлеб из магазина, заваривают чай. А если повезёт, с охоты принесут фазана, поджарят и устроят пир. Иногда для веселья могут и выпить. Но до полного беспредела дело не доходит: никто там до беспамятства не напивается, не валяется. Иначе, не дай бог, слух по деревне разойдётся, а там и до начальства дойдёт – тогда и будку закроют. Тех, кто там собирается, прозвали «карточниками». Не пьяницами, нет. Для них эта будка – вроде райского уголка.

Жанарбек зашёл в будку. Внутри тут же загалдели:

– О-о, Жанарбек! К нам новый безработный прибыл.

– Это-то ладно, – подхватил другой, – но давайте сразу выясним: Жанарбек, как новый участник, будет соблюдать общий порядок или ему особые условия?

– У нас никому никогда поблажек не давали, – отрезал кто-то из старших.

Жанарбек сразу понял, о чём идёт речь, и спокойно ответил:

– Я согласен на ваши правила.

Снова поднялся гомон:

– Во, настоящий мужик – всё без лишних разговоров.

– А ты думал, просто так он с начальством на открытый конфликт пошёл? – поддакнул один из знакомых, сын Мыктыбека, жившего в лесничестве.

– А как насчёт этого? – буркнул кто-то из незнакомых.

Жанарбек на это многозначительное замечание одобрительно кивнул головой.

Карты разложили. Жанарбек, правда, никогда особой страсти к картам не питал. Играл редко, может, раз в год. Не любил компании с запахом дешёвого табака, перегара и пустой болтовнёй.

За столом один из местных, известный бездельник, в шутку обронил:

– Вот бы сейчас мне три короля, а Жанарбеку три туза. Уж тогда бы мы с ним до последнего барана сражались!

Трое за столом были ему незнакомы. Сказали, что из Бириккена, приезжают сюда специально в карты играть. Один из них, ухмыльнувшись, съязвил:

– Да брось ты, твой Жанарбек трусоват. Он бы с тобой не стал до конца играть. После второго круга сдал бы карты.

– Вот когда к нему придут, тогда и посмотрим, – ответил кто-то спокойно.

В первый день Жанарбек играл осторожно. Если карта шла, то входил в игру, если не шла, то спокойно сбрасывал.

На второй день он пришёл снова. Как и обещал, принёс с собой жареную картошку в кастрюле, тандырную лепёшку, бутылку.

В будке – те же пятеро. Они встретили Жанарбека с восторгом, хвалили, перехваливали. Человек, который приносит еду, всегда в почёте. В тот день Жанарбек хотел быть «наравне», и довольно быстро проиграл все свои деньги. Ему

предложили одолжить, но он отказался.

Азарт – сила притягательная. Без твёрдой воли он незаметно затягивает, захватывает разум и держит мёртвой хваткой. Где вращаются деньги, там и жадность, и обман, и ссоры. Иногда доходит и до драки.

Правда, здесь играли по мелочи в основном бездельники, для которых важно просто убить день. На третий день Жанарбек пришёл снова. Уже более уверенный, посерьёзневший. Начал играть с расчётом. Понемногу стал понимать игру, разбираться в приёмах. Если в руки шла сильная карта, старался не показывать радости, держался спокойно, понял: здесь внимательно следят за выражением лица, за каждым движением.

А бывало и так, вытянет игрок слабую карту, начинает кричать и шуметь, будто в руках козыри. И ещё раздражала одна хитрость: когда игра начинала набирать серьёзные обороты, кто-то вдруг говорил: «Мы, вроде, на равных». Карты смешивались и разыгрывали новую партию. Жанарбек понял, что это тоже приём. Вскоре он стал играть, не выдавая ни эмоций, ни намерений. Сидел с каменным лицом, без слов, без жестов. Настоящий игрок.

Однажды, когда игра была в самом разгаре, снизу послышался гул машин. Все заёрзали, стали выглядывать в окно. Один из игроков хлопнул себя по бедру и воскликнул:

– Эй, байке, это те самые машины! Смотри, возвращаются! Те, которых вы тогда прогнали!

Лицо Жанарбека сразу же помрачнело. На миг его охватил порыв – выбежать и перегородить дорогу. Потом подумал можно, как в тот раз, потребовать документы, остановить. Но и эта мысль тут же разбилась о реальность: его удостоверение давно отобрали.

А тем временем машины, поднимая столбы пыли, пронеслись мимо. Те, кто сидел в будке, были ребята, выросшие в этих местах. Привязанность к горам у них в крови. И хотя сами бездельники, но даже им было ясно: те, кто ищет тут золото, кто прёт наверх с техникой – чужие. Пришельцы. Разрушители.

Жанарбек не мог больше спокойно сидеть. Возвращение тех людей, их бесстыдная уверенность, будто никто им не помеха, – всё это грызло его изнутри. Он чувствовал: в груди нарастает зов. Зов аманата, оставленного отцом. Надо что-то делать. Неважно как, но встать, помешать, остановить.

И словно бы кто-то дал ему силу, как у злого духа, и появилась ясность разума, как у мудреца. Он спокойно сказал, что у него закончились деньги, и вышел из игры.

– Жанар, ты что опять за своё? Опять к тем, ругаться? Не ходи. Сейчас ты уже не егерь.

– Осторожнее, они ведь могут и милицию вызвать. Посадят ещё, – раздавались голоса за спиной.

Он слышал их. Но шаг уже сделан. И он знал, что назад не повернёт.

Безымянный холм. На вершине стоит Жанарбек. Один. Внимательно смотрит в бинокль, наблюдает за «горными захватчиками» и размышляет, как им помешать. Они только-только прибыли и уже успели поставить две палатки.

Первая мысль – достать взрывчатку, под покровом ночи подобраться и уничтожить их технику. Мысль не самая плохая. Но вдруг не успеет уйти? Рабочие ведь там же, в палатках. И не один, а несколько. Нет, не подойдёт.

Вторая мысль – взять ружьё, выстрелить в воздух и пригрозить: «Убирайтесь отсюда, иначе всех перестреляю!» Но и тут исход ясен: они вызовут милицию, арестуют.

Третья – собрать народ, устроить митинг. А кто придёт? У всех на сердце страх.

Он повернул бинокль в сторону дороги. В поле зрения попал второй мост через Кегети.

Жанарбек обрадовался. Вот она, идея! Сейчас ведь весна, вода разлилась, течёт бурно. Если разрушить мост, то что они будут делать? Без моста техника туда не пройдёт. Запчасти, горючее – всё зависнет. По воздуху завозить не будут, ведрами через реку тоже. Новый мост за день не построят, а там видно будет.

С этой мыслью Жанарбек сбежал с холма почти бегом. Душа у него воспряла. Он нашёл способ противостоять тем, кто

пришёл разрушать горы. Он не нарушает завет отца – наоборот, он его исполняет. Осталось понять: а как разрушить мост? Сейчас идти туда нельзя. Вдруг кто-то увидит. Потом найдётся свидетель, скажет: «Бродил там около моста», и вина сразу ляжет на него. Надо подойти с умом.

Он взял с собой телёнка будто бы повел на выпас. Поднялся чуть выше по склону. Оттуда мост был виден как на ладони. Весенняя река Кегети шумела, переворачивая камни. Вода пенилась, с грохотом ударялась о берег, с рёвом возвращалась в русло. Вот эту силу и надо использовать, – подумал Жанарбек. Если воду можно направить против моста – почему бы не воспользоваться? Ведь сколько уже мостов она снесла. Он знал, что мост держится на фундаментах по берегам реки. А в их основании есть крупные камни. Если ночью подрывать под одним из них, вымыть гравий, то камень может сдвинуться. А дальше вода сделает своё дело.

Но делать это надо тайно, ночью. Если кто заподозрит, всё пойдёт насмарку. Никому нельзя знать. Ни жене, ни детям. Когда начать? Сегодня? Нет. Торопиться, это дело дьявольское. Надо всё рассчитать до мелочей. Лучше дожидаться дождливой ночи. Тогда ручьи с гор прибавят реке силы. И если мост рухнет, то все поверят, что дело в стихии. В такую ночь никто и носа не высунет. Да, дождливая ночь – это правильно.

На следующий день Жанарбек снова поднялся на холм. Достал бинокль, направил в сторону, где остановились «вра-

ги гор». И тут же – будто обжёгся: подскочил, сжал кулаки. Что за варварство? На склоне уже зияли раны – экскаватор с жадностью вырывал пласт за пластом землю и грузил в самосвалы. А те, как будто бы издеваясь, вываливали её прямо на зелёные горные луга. Рядом уже валялись срубленные кедры с вывороченными корнями...

Такое терпеть нельзя. Такое надо остановить. Даже ценой собственной жизни. Он быстро перебрал в уме варианты и остался с одним: идти туда. Лично. Прямо сейчас.

С дикой решимостью он ринулся с холма вниз, на ходу запрыгнул на пасущегося неподалёку коня. Без седла рванул в сторону ущелья. Подлетел к работающему экскаватору, словно к зверю, встал прямо перед ковшом и закричал:

– Эй вы, люди без совести и стыда! Прекратите эту дикость! Немедленно остановитесь! Иначе, клянусь, сейчас же взорву ваш экскаватор!

Экскаватор тут же остановился. Из дальней палатки, словно по тревоге, выскочили трое. Двое знакомые: тот самый чёрный, с резкими чертами, и второй – долговязый, с нахрапистым видом. Третьего Жанарбек раньше не видел. Тот был высокий, худощавый, волосы собраны в пучок, как у женщин. Начальник? Сомнительно. Внешностью не тянет.

Пока они открывали рты, Жанарбек опередил:

– Сейчас идёт гнездовье ворон, самое время! Почему, скажите, вы изуродовали склон, покрытый горной травой? Зачем превращаете это место в рану? – голос дрожал, но не от

страха.

– А ты кто такой вообще, чтобы нам указывать? Убирайся, пока цел! – зашипел тостощекий, сверкая глазами.

– Не узнал? – Жанарбек резко выпрямился. – Я – защитник природы. Если надо, то один против вас всех встану.

– Защитник, говоришь? – усмехнулся тот. – Да тебя уже давно вышвырнули из лесхоза. За вот такие же глупости.

– Может и вышвырнули. Но право бороться за эту землю у меня осталось.

– Кто тебе его дал, это право? Тот конь, на котором ты приехал? – язвительно бросил чёрный.

– Мне дал его отец, – жёстко ответил Жанарбек. – Мой родной отец. Это ущелье в народе зовётся ущельем Коомбая. Поняли? Это земля моего рода. И я её не отдам.

Он стоял твёрдо. Не пятился. И отступить не собирался.

Двое замолчали. С какой стати его отец мог «передать» ущелье? Что он, оформил его в частную собственность? Когда бумаги подготавливали, это ведь числилось за лесным хозяйством...

– У тебя есть документы? Покажи! – рявкнул чёрный.

– Документ – это просто бумага. Его можно подделать. А мне это ущелье отец оставил по-настоящему – как наследство. Сказал: защищай его от разрушителей.

Они расхохотались. Но ненадолго. Тостощекий снова напрыгся, повысил голос:

– А кто, твой отец такой, чтобы целую гору тебе в наслед-

ство завещать?!

– Мой отец был егерем в этом кордоне. Сорок два года.

За всё это время он не только не дал вырубить лес, он и цветков не позволял сорвать. Ни один!

– Эй, фантазёр, – фыркнул толстощекий, – чего только не придумаешь. Отец твой мог тебе завещать коня, вон того, на котором ты приехал. Или дом – следи, чини, не запускай. Даже сад – поливай, ухаживай. Всё логично. Но чтобы ущелье? Огромное ущелье, принадлежащее лесному фонду в наследство? Ты сам в это веришь?

Долговязый, что молчал до этого, вставил:

– Лучше не мешай нам работать. Мы сюда приехали не в игры играть.

Слова эти не тронули Жанарбека.

– Я не предаю отцовский завет. Если рушат горы, если кедровые валют, а я промолчу, это будет предательство. А я не предатель. Я буду бороться. До конца.

В это время над ущельем, широко раскинув крылья, кружил беркут. Он парил высоко, перелетая от одной горной вершины к другой, долго и хмуро наблюдая, как двуногие существа нарушают тишину и покой этих мест. Может, и ему казалась невыносимой эта картина, видеть как уродуют его родные склоны. Он резко рванул вниз, почти коснулся земли и вновь взмыл в небо. Что было у него на душе, было известно лишь ему. Может, хотел своим острым когтем сорвать с земли одного из чужаков и выкинуть вон, а может, сам по-

нимал, что с орущими железными зверями не справиться. Ключнет раз – да только себе нос расшибёт. Тут уж и он бессилен.

Толстощекий, похоже, устал от бессмысленной перебранки. Голос его стал жёстче, холоднее, и пошёл на запугивание.

– В прошлый раз ты с нами сцепился, поэтому тебя на улице вышвырнули, работу потерял, шляешься теперь без дела. Сколько бы ни откладывал с прежней зарплаты, но в один день деньги закончатся. И что потом? Сдыхать пойдешь?

– Никто ещё не умирал с голоду, лишившись егерской должности. На всех хватит того, что дал Всевышний.

– Ты так и нарываешься, – злобно усмехнулся толстощекий. – Гляди, однажды и не вывернешься.

– Не напугаешь, – отрезал Жанарбек. – У каждого своя судьба. Придёт – ко мне или к тебе – это уже не нам и, тем более, не вам решать.

– Мы тебя убивать не станем, – процедил толстощекий сквозь зубы. – Свяжем, да и отнесём за те два хребта. Пусть птицы тебя там по косточкам разберут. Ни следа не останется.

Жанарбек слегка ослабил поводья, отступил назад. В этих словах уже не было игры. Вспомнил, что один. Что кругом горы. Что рядом никого. Где-то в груди шевельнулся страх, но он не подал виду.

– В последний раз повторяю: прекратите то, что вы делаете. Горы не место, где вы будете набивать карманы. Горы –

это тишина, покой, дыхание земли. И сколько бы вы ни старались, у вас ничего не выйдет. Я буду вам занозой под кожей. Я заставлю вас уйти. Хватит. Убирайтесь!..

Однако договорить не успел. Толстощекий кинулся, скинул его с лошади и сбил с ног. Прижал коленом грудь, сдавливая дыхание. Сквозь зубы сыпались проклятия:

– Пусть ты и сам шайтан, но и от него я такого упрямства не ждал. Как же ты надоел. Сейчас скажешь, что больше не вернёшься, и уйдёшь живым. А нет, я тебя в мешок кину за хребет, где волки воют.

В этот момент вмешался долговязый. Он схватил разъярённого напарника, оттащил от Жанарбека и почти силой затащил обратно в палатку. Оттуда послышалась громкая перепалка. Но наружу они больше не вышли.

Жанарбек поднялся с земли, сдерживая злость, запрыгнул на коня и, обернувшись, крикнул:

– Я буду с вами сражаться. Пока последняя капля крови не покинет моё тело!

И, развернувшись, поехал прочь.

В это время геолог уже был в полной готовности к отъезду. Надел куртку, собрал приборы, аккуратно уложил их в походную сумку.

– Немедленно отвезите меня в город, – сказал он.

Спутники опешили.

– Я не собираюсь участвовать в этом балагане, – пояснил он твёрдо.

– Но мы же всё оплатили! Есть договор, вы обязаны, – забеспокоился чёрный, и голос его выдал раздражение.

Геолог остался непреклонен:

– Я всё верну. В договоре, между прочим, есть пункт, в котором написано, что при возникновении форс-мажорных обстоятельств любая сторона может прекратить сотрудничество. Я этим правом и воспользуюсь.

Началась суeta. Паника. Если геолог уйдёт, то работа встанет. А без него, как без рук. Они это понимали.

– Мы вам ничего плохого не сделали! Скажите, что вас не устраивает и всё решим, всё устроим, попытался упротить его чёрный, красный от злости и растерянности.

Но геолог даже не глянул в его сторону:

– У меня нет к вам претензий. Просто покажите официальные документы на объект, где вы начали работу. Вот тогда и поговорим. А сейчас... Сейчас поехали в Бишкек. Немедленно.

На следующий день пошёл дождь. С утра моросило, а к полудню зарядил настоящий весенний ливень. Казалось, сама природа решила встать на сторону того, кто отправился защищать красоту гор. К вечеру небо совсем потемнело, и дождь хлынул стеной.

Жанарбек с утра места себе не находил, то заходил в дом, то выходил, то опять смотрел в сторону моста. Может, расвирепевший поток всё-таки сметёт его? Может, бурлящая вода разрушит замыслы тех, кто пришёл разорять горы? Скорость течения усиливалась. Вода вздымалась, ревела, с грохотом неслась по ущелью, и вот уже начала хлестать через мост, переливаться через край. Но сам мост всё ещё стоял. Не дрогнул.

Наступила глубокая ночь. Жанарбек бесшумно выскользнул из дома. Взял заранее приготовленные инструменты. Тьма быстро поглотила его. Дождь хлестал без передышки. Он уже рядом с мостом. Тихо, осторожно осматривается. Ночь кромешная. Темень хоть глаз выколи.

Жутковатое зрелище: один человек в шинели, промокшей до нитки, с тяжёлым ломом в руках, стоит по пояс в черной, ревущей воде и под грохот реки пытается сдвинуть с места каменную глыбу у основания моста. На ногах высокие резиновые сапоги. Но вода давно уже в них. Шинель тяжёлая, на-

питанная дождём. Он мокрый, озябший, но сдаваться не собирается.

Рядом шумит поток. Он работает лихорадочно, на пределе сил, понимая, что, если ему не удастся вовремя отпрыгнуть, когда камень сорвётся, то его самого утянет под воду. Но времени на страх нет. Он снова и снова поддевает ломом щебень под основанием тяжёлого валуна. Сбивает его. И вода с гулом уносит мелкие камни вниз. Потом снова. И снова. Он не чувствует усталости. Он не думает о простуде. Его греет и движет вперёд одно – завет отца. И с этой силой он сильнее холода, сильнее усталости, сильнее страха.

Ура! Наконец, тяжёлый валун дрогнул. Сдвинулся с места. Надо спасаться, пока не поздно. Пока не оказался под этой глыбой.

Битва продолжалась. Но теперь к ней примешался древний, инстинктивный страх – страх за жизнь. Он вспыхнул, как предупреждение, как зов: Спасайся! Жанарбек попытался отскочить – успел. Но к берегу выбраться никак не смог. Сказывалась усталость. Промокшая одежда, тяжёлая, будто налитая свинцом не давала оторваться от каменистого дна. Сапог соскользнул, и его снова затянуло в воду. Судорожно удалось уцепиться за валун. Одной ногой он упёрся в камень и из последних сил удерживал себя в яростном потоке. В голове пульсировало: стоит сорваться, и уже ничто не спасёт. Горы будто отозвались эхом:

– Держись, Жанарбек! Держись! Ты выполнил задуман-

ное, поэтому не дай победе обернуться трагедией. Ползи к берегу. Срывай с себя одежду. Сапоги скидывай, оставайся хоть нагишом, но только выберись. Не сдавайся воде. Ещё минуту назад она была твоей союзницей, а теперь может стать твоим палачом. Кто разгадает парадоксы этого мира? Жанарбек, борись за себя! За жизнь. Собери последние силы. Не отдай себя этой реке. Пусть Бог поможет тебе!

Тем временем чуть выше по течению дрогнул ещё один валун. Он начал оседать. Стоило ему сорваться, и поток унёс бы его прямо на Жанарбека, расплющив в один миг. Камень не устоял, не выдержал натиска воды и, набрав ход, покати́лся вниз по течению. Горное эхо словно закричало:

– Выбирайся, Жанарбек! Скорей! Ещё секунда – и тебя не станет!

Жанарбек, краем глаза заметил, как несётся на него тот валун, огромный, смертоносный. И в последний момент всей волей, всей болью, всей жизнью, что в нём была, рванулся на берег и успел. Этот рывок стал чертой между жизнью и смертью, между удачей и злым роком.

Ночь. Тьма кромешная. Где небо, где луна, где горы, где его дом – ничего не видно. Остался только слух. И он подсказывал: жуткий грохот воды – это поток. Непрекращающийся скрежет – косые струи дождя. Он дрожал от холода. Без обуви, в мокрой разодранной одежде. Но он был жив.

Неожиданно в голову ударило: лом. Он вспомнил про лом. Орудие, которым работал. Нельзя его оставлять. Если най-

дуг, то он может стать уликой. Вслепую, на ощупь он нашел его.

И тут, в один из ударов потока по мосту, что-то гулко обрушилось. Мост треснул. Один из краёв, тот самый, подмытый, рухнул вниз.

Жанарбек бросился прочь. Без оглядки. Растворился в ночи, в темноте – своём спасении.

Ближе к полудню следующего дня вокруг моста, смытого бурной рекой, собралась группа людей. Теперь о том, что здесь когда-то был мост, напоминали лишь две колеи, подходившие к воде с обеих сторон. Весенний поток всё сравнял, не оставив ни следа.

Для лесников его отсутствие особой помехой не стало, так как на въезде в село имелась тропинка, уводящая вверх, в сторону гор. По ней можно было попасть в ущелье. Не так удобно, конечно, но терпимо.

Жанарбеку очень хотелось подойти поближе, прислушаться, о чём будут говорить. Любопытно же. Но нельзя. У самой обочины стоял чёрный внедорожник – значит, те самые уже приехали. Начальник лесного хозяйства был среди них. С ним встречаться лицом к лицу не имело смысла. Люди постояли, осмотрелись, посоветовались, а потом ни с чем уехали обратно.

По селу поползли слухи: мол, теперь на этом месте построят современный мост. Такой, чтобы проезжали сразу две машины.

Услышав это, Жанарбек только зубами скрипнул.

«Нет, пока горы не оставят в покое, я не остановлюсь. Разрушу, что подлежит разрушению, подожгу, если придётся, и даже, если надо, то очищу землю от них всех.»

Тем временем он исполнил и данное жене обещание. Продал двух лошадей, купил двух дойных коров. Молоко начали сдавать, и, как ни странно, зажили куда лучше. Раньше ждали день полочки, считали дни, а теперь каждую неделю на руках наличные. Хоть немного, но стабильно. Оказалось, правду говорят: «Пока жив, то пропитание найдётся».

Жена тоже успокоилась, уже не ворчала на каждом шагу, как раньше. Стала тише.

Жанарбек сдержанно усмехнулся:

«Вот ведь давно бы так, глядишь, и всё было бы по-другому.»

К вечеру заглянул Алибек. Тот самый егерь. С первых слов принялся рассыпаться в похвалах:

– Один борешься против этих варваров. Тебя со службы уволили, а ты всё равно не согнулся. Такой и должен быть настоящий мужчина.

– Я же обещал. Священное завещание, – ответил спокойно Жанарбек.

– Понимаю, понимаю. А знаешь, зачем я пришёл?

Но прежде, чем перейти к делу, Алибек вдруг замолчал, словно нарочно сделал паузу и затем, будто невзначай, продолжил:

– Видишь, как судьба повернулась? Ты боролся один, а горные духи будто слышали твой голос и мост, который простоял, не шелохнувшись столько лет, снесло за одну ночь. Наверное, даже у неба глаза есть.

– Эти люди с самого начала пришли сюда не с добром, – тихо сказал Жанарбек.

Он и не подумал делиться тем, как мост был разрушен на самом деле. Похоже, это останется его тайной – тайной, которую он унесёт с собой.

– А может, мы их ещё и погорячее прижмём?

– Как? – насторожился Жанарбек.

– Там, на Ат-Жайлоо, у них остались две палатки. Стоят себе без присмотра. Давай снимем их, продадим.

– Не-не, не говори так! – вскинулся Жанарбек. – Если в селе узнают, беды не оберешься.

– Ну мы ж не днём сделаем это. А ночью, по-тихому.

– Нельзя брать чужое добро.

– Чужое? Ты серьёзно? Они ж тебе работу подрезали. Ты теперь без копейки, а всё ещё щадишь их?

– Может, ты и прав, но рука не подымается.

– Да мы ж ради общего дела!

Жанарбек задумался.

Алибек тем временем подступал с другой стороны:

– Если палатки исчезнут, то они задумаются. – А вдруг завтра не только палатки, но техника пропадёт? Испугаются. Растеряются.

– Лучше уж тогда поджечь их, чем продавать.

– Э, ты и впрямь какой-то, не от мира сего! Что даст нам огонь? А тут живые деньги. Покупатель уже есть. Деньги сразу. У тебя то с ними сейчас не густо. Вот поэтому к тебе и

пришёл.

– Нет. В такое я точно не полезу, – решительно сказал Жарнарбек. – У меня свой путь. Сражаюсь по-другому.

Алибек понял, что ничего не выйдет:

– Тогда по-мужски договоримся я найду других, а ты молчи. Как будто и не слышал. Договорились?

Они крепко пожали друг другу руки.

Жанарбека разбудил мягкий перестук копыт. Он сразу вскочил, вышел во двор. До рассвета было рукой подать. Сквозь утреннюю дымку тревожно оглядел двор. У привязи, у сарая, у знакомой кормушки стояла лошадь. Он медленно подошёл, и его сердце замерло. Перед ним стоял Карагер.

– Карагер?! – вырвался крик. – Карагер, милый мой! Ты как здесь оказался? Сбежал? Или отпустили?

Он обнял его за шею и долго стоял, прижавшись лицом к её холке. Карагер стоял тихо-тихо, признав прежнего хозяина по запаху, по прикосновению рук, по голосу, в котором дрожали и боль, и радость. Жанарбек гладил его по гриве, припал лбом к широкому лбу коня, и вдруг зарыдал, как ребёнок. В тех слезах был отец, было детство, была нежность и утрата, была тоска по всему, что уходит, и страх перед тем, что ещё может случиться.

Небо на востоке начинало светлеть. Жанарбек отнял лицо от холки Карагера, и, к своему удивлению, увидел, что по щекам лошади, по тёплой морде тоже текут слёзы. Он совсем ослаб.

– Ну почему всё так? – прошептал он.

– Меня ладно, прогнали. Но его-то зачем? В чём Карагер виноват? Пусть бы остался. Он ведь знал это место, жил при отце. Столько лет с отцом прошагал в одной упряжке. Разве

трудно было оставить его здесь? Надо было тогда выкупить его. Сразу, как повели. Глупец. А может, ещё не поздно? Пусть даже за две лошади всё равно возьму обратно. Затем хлопнул себя по лбу «лошадь ведь издалека пришла, должно быть, голодная».

Он быстро забежал в амбар, достал ведро овса и высыпал в кормушку. Карагер с жадностью принялся есть. А Жанарбек стоял рядом и в его голове крутилась одна мысль как выкупить Карагера навсегда.

Однако всё пошло по-другому. К полудню в его доме появились трое: Тойту, тот самый, кто ухаживал за табуном в лесничестве, милиционер и незнакомый человек. Они искали пропавшего коня.

– Я ведь сразу сказал, если лошадь и найдётся, то только тут! – с важностью заявил Тойту.

Милиционер, даже не поздоровался, а сразу перешёл на грубый тон:

– Каким образом этот конь оказался у тебя? – уставился он на Жанарбека.

– А я откуда знаю? – пожал плечами тот. – Рано утром слышу, топот за окном. Выхожу, Карагер стоит. Сам пришёл. Новый хозяин совсем, видать, не кормит.

– Сам, говоришь, пришёл? – милиционер скривился в усмешке.

– Сам, – спокойно повторил Жанарбек.

– По нашим сведениям, лошадь была украдена ночью, –

сказал незнакомец. – Её либо готовили к продаже, либо хотели переправить через Чуй в сторону Казахстана, либо перегнать через перевал в Кочкор.

– Ну, если были такие планы, я о них ничего не знал. Я же говорю, что сам пришёл!

– Нет, вы только помотрите на него! Сделал дело, а ведёт себя тихо, как будто ни при чём, – глядя исподлобья, милиционер подошёл ближе.

– А что я сделал?! – вспыхнул Жанарбек.

– Да всё ясно, гражданин хороший. Украл, спрятать не успел, вот и попался с поличным, – ткнул ему в грудь пальцем милиционер.

Жанарбек вспыхнул:

– Чтоб я ослеп, если я его украл! Сам пришёл, говорю же!

– Сам, значит? Прямиком из Жетигена? Если не ты, так твой сообщник пригнал, – вмешался молчавший до этого незнакомый человек. Теперь стало ясно, что именно он в последнее время пользовался Карагером.

– Спорить бесполезно, – отрезал милиционер. – Всё, что видели, заносим в акт.

Он сел на пенёк неподалёку, достал из папки бланк и стал писать. Остальные молчали. Пока он вершил суд, противиться было бесполезно.

Тойту, конюх, похоже, радовался, что всё так складывается, и лошадь нашёл, и перед милиционером выслужился. А незнакомец нетерпеливо поглядывал на Карагера, будто

ждал, когда можно будет взять повод и увести лошадь.

– Подписывайте, – бросил милиционер, когда закончил.

Двое тут же поставили подписи, даже не взглянув в бумагу. Жанарбек взял лист, хотел прочесть, но не смог разобрать ни строки.

– Прочитай сам, – протянул он. – Твои каракули неразборчивы.

Милиционер скривился:

– Что, школу не закончил?

– Закончил. Но ты пиши, как люди, тогда и читать можно будет.

– Давай сюда – прочитаю.

Смысл акта сводился к следующему: прошлой ночью из села Жетиген был похищен конь по кличке Карагер, а на следующий день он был обнаружен в хлеву Жанарбека Коомбаева. Владелец опознал животное. У лошади была уздечка-ремень без каких-либо отличительных меток. Прибыв на место, мы не встретили сопротивление со стороны Жанарбека Коомбаева. Он дал согласие вернуть коня законному владельцу. По данному факту будет проведено расследование.

– «Будет проведено расследование», что это значит? – насторожился Жанарбек.

– Ничего сложного, – отмахнулся милиционер. – Есть установленный факт, дальше мы обязаны действовать в рамках закона. Начнём проверку согласно уголовному кодексу.

– Но ведь Карагер сам пришёл. Вернулся туда, где вырос.

Я без спора возвращаю его хозяину. Разве нельзя обойтись без всяких актов?

– Ни в коем случае. Если не оформим всё по правилам, то завтра нас самих выставят с работы, – с раздражением бросил милиционер.

Жанарбек занервничал. Подписать акт, значит, ввязаться в нечто непонятное. Не подписать, милиционер устроит скандал, силы у них больше. Этот с бумагой ни за что не отстанет. В конце концов, вздохнув, он поставил подпись. Видимо, решил, что бы ни случилось, хуже уже не будет.

– Так, – сказал милиционер, убирая папку, – завтра к десяти часам с паспортом явишься в райотдел на допрос.

– Какой ещё допрос?

– Не строй из себя простачка, – резко обрезал тот. – За содеянное придётся отвечать. Ясно же сказано: к десяти. Не придёшь, хуже будет. Тогда уже с наручниками за тобой приедем.

Карагер, соскучившись по своему прежнему стойлу, сам сбежал назад, но, как на грех, обернулся для Жанарбека новой бедой и теперь, на поводу у своего нового хозяина, понуро покидал двор.

На следующий день ровно в десять Жанарбек был в районном отделении милиции. Тот самый милиционер, что вызывал его, оказался на месте – ждал, как и обещал.

– Ну что, передумал? – усмехнулся он ехидно.

– Что я должен был передумать? – резко отрезал Жанар-

бек.

– То, что попался, совершив преступление.

– Я не совершал никакого преступления.

– Украл коня – это не преступление?

– Я его не крал.

Милиционер насупился, лоб прорезали складки. Он вытащил со стола бумагу и сунул Жанарбеку под нос.

– Вот этот документ. Подпись твоя?

Это был вчерашний акт.

– Да, моя, – подтвердил Жанарбек.

– Тогда почему отказываешься?

– Потому что я его не крал. И не позволю себя оклеветать.

– Эй, подозреваемый! – повысил голос милиционер. – Мы всё видели своими глазами, вон он – конь! Всё зафиксировано. Акт подписан свидетелями! На каком основании ты до сих пор отпираешься?

Но Жанарбек упрямо стоял на своём:

– Повторяю: я не крал этого коня.

В этот момент в кабинет вошёл второй милиционер. Он подошёл вплотную и жёстко заговорил:

– Если сейчас не признаешь вину, дальше будет только хуже.

– Я не признаю того, чего не делал, – спокойно ответил Жанарбек.

– Значит, сам подписал себе приговор, – бросил милиционер и вышел из кабинета.

Проводивший допрос милиционер, вставая из-за стола, сказал:

– У меня есть другие дела. Вернусь через два часа. А ты пока сиди на диване в коридоре. Подумай. Но не вздумай уходить, потому что тогда, как я уже предупреждал, наденем наручники и приведём обратно.

Время тянулось. В коридоре сновали туда-сюда мрачные милиционеры. Некоторые бросали мимолётный взгляд, другие и вовсе демонстративно отворачивались, будто его и не было. Порой проходили молодые ребята – по всему видно, такие же, как он, попавшие в жернова системы.

Наступил полдень. Два часа давно минули, а тот не возвращался.

«Работают на государство, а слова не держат», – подумал Жанарбек.

В голове крутилось одно и то же – глухая тревога и тяжёлые мысли.

Вот так и бывает: люди потом рассказывают, как кто-то по чужой вине сел. А теперь, выходит, и ему пришёл черёд.

«Может, и впрямь посадят, – мелькнуло в голове. – Эти следователи, похоже, ни бога, ни совести не боятся. Давят, гнут, изводят, лишь бы выбить признание. И сколько это будет продолжаться?»

Через три часа милиционер наконец вернулся.

– Ну что, надумал? – усмехнулся он ехидно.

– Я о другом думаю, – спокойно ответил Жанарбек. –

Успеть бы на последний автобус. Да и есть хочется. Мне пора.

Милиционер откинулся на спинку стула, с видом человека, за которым – закон, власть, решающее слово:

– Ты сегодня никуда не поедешь. Пока не признаешь свою вину – отсюда не выйдешь. А когда признаешь, то мы ещё подумаем, можно ли тебя отпустить.

Сколько можно терпеть этот бред? С утра сплошное давление, грязные намёки, тонкие и прямые угрозы. Жанарбек, не выдержав, вскипел:

– У меня нет никакой вины. Делай, что хочешь!

– Вот как? – глаза милиционера сощурились.

– Именно так.

– Я хотел по-хорошему, – протянул тот, вставая из-за стола. – Но раз не понимаешь. Пойдём. Сейчас оформим. Отправим тебя в изолятор. Там посидишь. Может, до тебя дойдёт.

По лестнице они спустились на первый этаж, вышли во двор. Видимо, изолятор где-то здесь. Подошли к тяжёлой металлической двери. Одна-единственная мысль сверкнула, как нож: вот оно что – попасть в капкан по ложному обвинению. Но страха не было. Ни дрожи, ни паники. Что Бог пошлёт, то и примем. Совесть чиста, душа спокойна. В сердце – упрямое чувство правоты. А если нет вины, значит, и стыдиться нечего.

Милиционер вдруг запнулся, оглянулся на Жанарбека и

спросил:

– Дома дети есть?

– Есть.

– Сколько лет младшему?

– Три года.

Милиционер помолчал, потом с заметно смягчившимся тоном буркнул:

– Ладно... Не буду тебя сажать. Ребёнок малый, пусть отца видит.

Они вместе вернулись в кабинет.

– Есть способы, – проговорил он, уже совсем другим голосом. – Можно ведь всё уладить. Если с умом.

Жанарбек всё понял без лишних слов. Всё, что с самого утра творилось была сплошной показухой. Давил, угрожал, выкручивал руки – и всё ради одного: подачку ждал, подлец.

Почему бы сразу не сказать? Глядишь, разговор пошёл бы иначе. А он и мурыжил, и страшал, и мораль читал, как будто правосудие вершит. А сам – тот ещё оборотень: лишь бы что-нибудь выжать, выпросить, вырвать. Всё ясно.

Интересно, сколько он хочет? Ладно, подыграю.

– Я ж теперь безработный, – ответил Жанарбек, будто невзначай. – Денег-то лишних нет, сам понимаешь.

– Ну, ты ж не в городе живёшь, – снисходительно заметил милиционер. – В хозяйстве, небось, скотина имеется.

– Ну, есть, – пожал плечами Жанарбек.

– Мне много не надо. Начальство наше гостей принимать

собирается... Надо бы одного хорошего барашка.

«Ох ты, всего-то и дел – баран. Ладно, отдам, только отвязжись наконец».

Жанарбек сразу согласился.

* * *

Однако не зря в народе говорится: пришла беда – отворяй ворота. Едва Жанарбек успел выбраться из одной неприятности, а на пороге уже другая. Не прошло и трёх дней, как к нему пожаловали двое милиционеров.

– Обыск, – коротко бросили они, едва переступив порог.

Смотрят буравящим взглядом, стоят с каменными лицами. Видно, говорить по-человечески не собираются.

– Хоть бы объяснили, в чём дело. Или, просто так решили дом вверх дном перевернуть? – холодно спросил Жанарбек.

Старший, повыше ростом, ответил с деланной невозмутимостью:

– Хорошо. Слушай. На Ат-Жайлоо украдены две палатки. Хозяева обратились с заявлением. Начали предварительную проверку. След вывел на тебя.

«Ах ты, Алибек! Всё-таки провернул своё грязное дельце. От такого лучше подальше держаться».

– Я эти палатки не крал, – спокойно сказал Жанарбек.

– Это ещё выясним, – отрезал милиционер.

– Сейчас зови понятых.

Кого бы в свидетели позвать? Нужен кто-то, кто не станет молоть чепуху и расплываться в домыслах. Сосед Кубаны, что ли? Нет, не пойдёт – он из мухи слона раздует. Анар, куму? Тем более нет, хуже Кубана. Женщину к такому делу и подпускать нельзя. Тогда кто? Хм... Может, самого Алибека вызвать? Это было бы даже к лучшему.

Он назвал его имя. Один из милиционеров сказал: «Зови».

– Хотите – сами зовите, вот его дом, – указал направление Жанарбек.

Погоны, как известно, штука весомая – молодой милиционер довольно быстро привёл Алибека. Их взгляды встретились. Молниями. Жанарбек чуть заметно покачал головой, давая понять: мол, стой спокойно. Алибек тоже уловил этот знак. Понял, что здесь что-то серьёзное, но пока не знал, в чём дело.

Старший милиционер вкратце изложил свидетелю суть происходящего, после чего сообщил, что нужно будет поставить подпись под протоколом.

Начался обыск. Сначала прошли по жилому дому. Палатка ведь не иголка – не спрячешь в тайник, поэтому мебель не переворачивали, под кровати заглянули для вида и вышли наружу. Во дворе и под навесом ничего не нашли. Последняя надежда – амбар и сарай. В них, как верили милиционеры, могло что-то найтись. Амбар был небольшой, тёмный, освещался лишь крошечным оконцем.

Два милиционера, надеясь найти улики, лихорадочно шарили по углам. Алибек внутренне напряжённый, как тугая струна, молча молился, чтобы правда не выплыла наружу. Жанарбек весь в сомнении: не подбросили ли те самые «друзья» из гор палатки сюда нарочно? А вдруг? А если? А если нашли бы?! Его жена испуганно следила за каждым движением, теряясь в догадках, почему вдруг милиция так плотно взялась за их дом.

Сарай обыскивали долго. Особенно усердствовал младший из милиционеров – шарил повсюду: под стойлами, под кормушками, в каждой щели между брусьями, переворошил аккуратно сложенные дрова. Заглянули и в погреб, где хранили картошку. Всё безрезультатно.

Вернуться с пустыми руками после того, как были направлены по столь серьёзному делу, пахивало неприятностями. Как-никак, руководство ожидало положительный результат. Хотелось обнаружить хоть какую-то зацепку, чтобы не предстать перед начальством с голыми руками.

Перешли к допросу. Первый вопрос – свидетелю Алибеку.
– Когда в последний раз ты видел те палатки на Ат-Жайлоо?

– Неделей раньше.

– Точнее. В какой день, в какое время, с кем ты был?

– Один. Возвращался со своего участка после обхода. Оба шатра были на месте. Было под вечер.

– Когда ты заметил, что они исчезли?

– Три дня назад.

– Кого подозреваешь в краже? О чём говорят в селе?

– Я никого не видел, ничего не знаю. А в селе, думаю, никому и дела до этих палаток не было.

Старший из милиционеров всё ещё вёл допрос. Ответы свидетеля ничего вразумительного в дело не добавили и теперь он повернулся к Жанарбеку:

– По этому делу главным подозреваемым остаёшься ты.

Жанарбек промолчал.

– Десять дней назад, до того, как паводком смыло большой мост, ты, по информации очевидцев, устроил скандал с геологической группой, действовавшей по заданию правительства. Это правда?

– Правда.

– Значит, основания для подозрений есть. И то, что ты сам это подтверждаешь, к лучшему.

Сыщик удовлетворённо кивнул. Дело начало проясняться и в его глазах это уже выглядело как реальный след. А там, глядишь, и обвинение сформируется. Главное – ковать, пока железо горячо.

Следующий вопрос прозвучал спокойно, почти с улыбкой, но взгляд был колючий, недобрый:

– После того конфликта ты решил им отомстить. И украл оставленные палатки. Продавал, конечно, тоже ты. Так?

– Я ничего не крал, – твёрдо ответил Жанарбек.

– А кто тогда украл?

Алибек, стоявший в стороне, оцепенел. Его всего будто пробрал озноб. Сейчас, сейчас Жанарбек ткнёт в него пальцем, скажет: «Вот он!». Что тогда? Люди ведь, спасая свою шкуру, на всякое способны. Это известно испокон веков.

– Откуда мне это знать?

Алибек незаметно выдохнул.

А в Капчыгайе царила мёртвая тишина. Несколько хозяйств, разбросанных по ущелью, жили своей обычной, неказистой жизнью. Где-то вдали, по большаку, мчался вскачь всадник. Пыль клубилась за ним до небес. Гулко шумела река, так как весенний паводок продолжал бушевать. Солнце поднималось всё выше, воздух наполнялся теплом, становился ласковым. Вокруг была одна только зелень – и ни пятнышка другого цвета. Казалось, что на землю упал невидимый зелёный снег. Где-то там, в вышине, начали собираться облака, сначала клочья, потом они медленно сливались в одно полотно. Так здесь всегда: к полудню начался дождь. Такой характер у Капчыгая.

Допрос продолжался.

– Жанарбек, – сказал следователь, понизив голос, – если ты сейчас вернёшь палатки на место, мы закроем дело. Всё уладим без шума и без последствий.

Но Жанарбек и не думал отступать от своей правды:

– Как я могу вернуть то, чего не крал? Палатки не моя добыча.

Следователь вздохнул, сделал последнюю попытку:

– Я ведь стараюсь тебе помочь по-хорошему.

– Оставьте меня в покое! – резко ответил Жанарбек. – Не крал я этих палаток. Прекратите лепить мне ложные обвинения!

Он резко повернулся, собрался уходить. Но молодой милиционер метнулся вперёд и преградил ему путь:

– Допрос не закончен. Стоять!

Последние пять дней, проведённые под постоянным пресингом, сделали своё дело. Жанарбек больше не сдерживался:

– Делайте, что хотите! Хотите сажать – сажайте! Устал я от ваших домыслов и наветов!

Он даже не стал слушать, что следователь вновь забубнил про подпись на протоколе. Повернулся и пошёл прочь, не слушая, не оборачиваясь.

В Кегетинском лесничестве суматоха. Сверху спустилось суровое распоряжение: во что бы то ни стало, найти законный предлог и убрать Жанарбека с территории лесного хозяйства. Хватит с него этого самозванного титула «защитника природы», пора положить конец его возне. Одна головная боль от него: то народ баламутит, то недовольство подогревает. Кому это нужно?

Если его сейчас не унять, не поставить на место, будет только хуже. Кто знает, не втянется ли он завтра в какие-нибудь НПО, не подаст ли голос в оппозиционных газетах и блогах? А там – не за горами и скандал. Пусть себе думает, что он один такой важный, но мы-то знаем: чем раньше его нейтрализовать, тем тише обойдётся.

В этот момент в Токмокском отделении лесного хозяйства шло экстренное совещание. Начальник, уже выведенный из себя всем происходящим, нервно совещался с подчинёнными.

– Задание вы слышали. «Как будем его выполнять?» – спросил начальник, буравя собравшихся тяжёлым взглядом.

Раздались неуверенные, недовольные голоса:

– Сложное задание...

– Он ведь уже не работает у нас. Какое мы имеем к нему отношение?

– Не дело это – искать зло в человеке, который спокойно живёт.

Такие слова начальству явно пришлись не по вкусу. Похоже, распоряжение сверху было дано жёсткое, без права на отступление.

– Ну что ж, тогда мне самому придётся уволиться, – холодно бросил он, будто испытывая подчинённых.

Наступила тишина. Никто не проронил ни слова. Тогда начальник начал давить:

– Если уйду я, то никому из вас несдобровать. Один за другим вылетите с работы, как пробки.

Все, кто сидел в зале, были от него полностью зависимы. Люди, кормившие свои семьи за счёт мизерной зарплаты от лесничества, не могли позволить себе перечить. Кто-то из угодливых поспешил выразить покорность:

– Скажите только, что делать, мы выполним!

Большинство же продолжало отмалчиваться с затаенным страхом.

– А давайте для начала послушаем, что скажет начальник юридического отдела, – осторожно предложил главный лесничий.

Предложение приняли с одобрением. В ситуации, где пахло конфликтом, лучше было отойти в сторону и не брать ответственность на себя. Юрист встал, неспешно поправил очки и спокойно произнёс:

– Уволить его с работы мы уволили. Но вот выселять его

из села – это уже не в нашей компетенции.

Начальник, хитрый как сорока, сам не хотел становиться зачинщиком. Он ждал, что предложение выгнать Жанарбека из села прозвучит от кого-то другого. Но быстро понял, что ждать нечего. Никто не скажет. И вправду, как можно на глазах у всех, с кем ещё недавно бок о бок работал, взять и первым произнести: «Он вредитель, его нужно выгнать из села»?

Даже если кто-то и разделял такие настроения, открыто высказываться не спешил. У начальника, между тем, имелся приказ «сверху» – задача или, как он сам это воспринимал, приказ к немедленному исполнению. Только озвучить его вслух он не мог. Поэтому, как бы ни было противно, ситуацию приходилось брать в свои руки и подталкивать дело к развязке самому.

У него был тайный, заранее припасённый ход:

– Наверху интересуются: «Почему Жанарбек Коомбаев, покинувший службу, до сих пор проживает в доме, принадлежащем лесному хозяйству?» – сказал он, бросив взгляд на юриста.

Тот, не ожидавший подобного поворота, чуть замялся, но ответил:

– Нужно проверить регистрацию гражданина Жанарбека Коомбаева, на каком основании он там прописан.

После этого в зале оживились, послышался шум:

– Он ведь в том доме родился и вырос!

– Этот дом достался ему от отца, аксакала Коомбая.

– Вмешиваться в чью-то личную жизнь – грех, это нехорошо.

Начальник резко встал, с грохотом стукнул кулаком по столу, как уполномоченные партией большевики в старые советские времена:

– Прекратить болтовню!

В зале воцарилась тишина.

Он сам чувствовал: совещание идёт не по его сценарию. Чтобы не упустить контроль, немного смягчился и, глядя на притихших подчиненных, сдержанно сказал:

– Жалость к бывшему коллеге понятна. Но не стоит путать это с исполнением закона.

В зале стояла гнетущая тишина. Всем присутствующим на совещании уже давно стало ясно: говорить тут лишнее – себе в убыток. Осталось только ждать, когда начальник скажет вслух то, к чему всё и ведётся: мол, «Жанарбек Коомбаев не имеет права больше жить в лесничестве, в пределах поселения». И если после этого прозвучит: «Прошу проголосовать» – начнётся настоящее испытание.

Поддержишь, значит, совесть предашь. Не поддержишь, распишешься в непослушании, и тогда жди беды: давление, преследование, увольнение. Вот и выбирай между душой и куском хлеба.

Тем временем начальник, выдержав паузу, отдал распоряжение:

– Старший лесничий и юрист немедленно поезжайте в Кадастровую службу. Нужно срочно получить всю информацию по дому, где проживает Коомбаев. Я предупрежу начальника, и вас примут без задержки.

На этом совещание было завершено.

После обеда в руки начальника попал долгожданный документ с подписями, с печатями, всё как положено. Он едва скрывал радость. Именно этого он и добивался: официальной бумаги, которая развеет все сомнения и даст правовой рычаг. Сухо и предельно ясно было сказано: «Дом, в котором проживает Жанарбек Коомбаев, не был приватизирован ни одним из граждан. Он числится на балансе Кегетинского лесного хозяйства».

Начальник сиял от удовольствия. Не веря своему счастью, он перечитывал бумагу снова и снова, будто боялся, что увиденное – плод воображения. Убедившись, что всё верно, он тут же отправил старшего лесничего и юриста ждать в приёмной:

– Никуда не уходите, – и сразу набрал номер своего прямого начальства.

Он говорил, запинаясь, будто оправдываясь:

– Тойгонбай Тойтукович, здравствуйте... Всё вышло точно так, как вы и предвидели.

Голос шефа по телефону:

– Конкретнее.

– Дом, в котором живёт этот Коомбаев, ни на кого не

оформлен. Он не в частной собственности, Тойгонбай Той-
тукович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.